

Артем Новиченков

Маршрут

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 82-3
ББК 84
А86

А86 **Артем Новиченков**
Маршрут / Артем Новиченков – М.: Lennex Corp, — Подготовка макета: ООО «
Книга по Требованию», 2026. – 244 с.

ISBN 978-5-524-03013-9

Роман-фреска о том, как шестеро детей отправляются в путешествие без конечной цели. Дети - больны, они не знают, что ждет их в конце опасного маршрута - исцеление или смерть. Поможет ли детская надежда на спасение противостоять равнодушному миру взрослых и где в конечном итоге окажутся герои?

ISBN 978-5-524-03013-9

© Lennex Corp, 2026
© Артем Новиченков, 2026

АРТЕМ НОВИЧЕНКОВ МАРШРУТ

ПАЛЪМИРА

listai

Москва
2025

УДК (821.161.1)
ББК (84.4)
Н73

Новиченков А.

Н73 Маршрут/ Артем Новиченков — М: Т8 Издательские технологии / Listai, 2025 / «Пальмира», 2025 — 244 с.

ISBN 978-5-517-12772-3

Роман-фреска о том, как шестеро детей отправляются в путешествие без конечной цели. Дети - больны, они не знают, что ждет их в конце опасного маршрута - исцеление или смерть. Поможет ли детская надежда на спасение противостоять равнодушному миру взрослых и где в конечном итоге окажутся герои?

ISBN 978-5-517-12772-3

© А. Новиченков, 2025

© Оформление

«Т8 Издательские Технологии», 2025

белые простыни белый песок белые веки Ангелы
белые Ангелы копают черную землю черную от червей от
ног черную от темноты внутри

под ней свет был там ушел на глубину теряя цвет белые
Ангелы слепо

вы можете поэтому вы должны можете поэтому должны
вы больше не можете ничего не можете и вот — больше
ничего не должны

сюда иди

— Я встречал немало родителей, которые отказывались от ребенка, когда узнавали в кабинете врача, что он проживет не больше года. А что, если бы им сказали, что он проживет сорок лет? Двадцать? А если пятнадцать? Десять? Пять? Любой срок — это жизнь. Ведь «несохранные» дети несохранны только для будущего. Но будущего нет. Есть только сейчас, и конкретно сейчас они ничем от других детей не отличаются. Этой идеей мы и руководствуемся в нашей работе.

ПОСЛЕДНЕЕ УТРО

— Ешьте плотно. Через час уже выезжаем. — Фраза дается ему нелегко. Антон прерывает дыхание, сжимает губы. Их прощальный завтрак в доме. Он больше не увидит Лиз.

— Чтоб избежать прощания, мы собирались увезти их в ночь. Все же знают, как остальные дети реагируют на такое. Но вылет отложили, а сидеть с ними в аэропорту — с ума сведут. Я не должен был, не хотел с ними ехать в этот раз. Но директор: «Ты знаешь язык, у тебя есть опыт, больше никто не может». Ну так найдите другого, кто тоже знает язык! «Ты же понимаешь, как с этим сложно. Мы не можем подключать еще одного человека».

День отъезда был известен заранее и держался в секрете, рюкзаки собраны накануне. С утра укладывались зубные щетки. В последний момент вспоминались забытые вещи. Утро было тихое.

Ели молча. Им накрыли за отдельным столом, лицом к стене. Кормили овсянкой с медом и фруктами, остальных — кашей с маслом и сахаром. Дети возили в тарелках ложками, смотрели в спины отъезжающих с завистью и страхом, для них эти шестеро — другие, *отобранные*. Никто не знал, плохо это или хорошо, но все хотели попасть в Большое путешествие. Говорили, в БП берут любимчиков

или тех, кому нужна срочная помощь. Никто не знал точно. Взрослые не объясняли.

Шестеро доели и молча вышли из столовой. Сестра Доротея ходила по рядам и с тяжестью вздыхала, заглядывая в тарелки:

— Это что такое? А ну-ка быстро все съели! Как же вы выздоровеете, если не будете есть? Ложки — в руки! Каша стынет!

Но от холодной, липкой овсянки тошнило. Они сиротливо смотрели в окно — на дождь и солнце. Кто знает, что там, в Большом путешествии? Приключения бывают опасны, особенно такие загадочные, — фантазировали они.

Виктор бил грушу в тренажерном зале и выглядел мрачным. Не представлял он жизнь без ежедневных тренировок. Только так и мог держать себя в руках. Долгие путешествия отрывали от размеченной жизни. О детях Виктор не думал. Они всегда для него будут чужими. В то утро он думал, что купит себе в Duty Free новый одеколон и что пропустит полуфинальный матч «Лидса». Его многострадальный клуб барахтался в третьем дивизионе, но он-то верил, бывшие победы вернутся. Любимую команду, как и родителей, не выбирают.

Виктор терпеть не мог перелеты с детьми из-за подозрительных взглядов пассажиров и натянутых улыбок стюардесс. И все же его тянуло в небо: ощущение отрыва от времени, свободы от забот; но получится ли испытать его в этот раз? Кроме того, он точно знал, что будет скучать по этому черному мешку, и потому колошматил его усерднее. Да уж, о привычной жизни на какое-то время придется за-

быть. Он даже не заглянул в дорожную карту — своего рода акт протеста. Поездка будет дальняя — этой информации уже достаточно для отвратительного настроения. Да и зачем вообще нужна дорожная карта?.. Все равно маршрут каждый раз один и тот же.

— Антон сказал «прощайтесь» и отвернулся. Он не позволял на людях размягаться сердцу, его и так многие у нас держали за тряпку и не допускали к проекту. Я не допускал. Виктор курил возле капота. Шестеро с набитыми рюкзаками стояли перед толпой ребят. Я наблюдал издалека. Меня вообще могло там не быть. Я хотел пропустить, но передумал и вышел в последний момент, потому что это были хорошие дети. На мгновение даже закралась мысль, а не переиграть ли все и отправить других? — Мне не хотелось с ними расставаться.

Прощаться всегда тяжело, поэтому мы стараемся избегать подобных сцен. Но я же не мог запретить им. Тем более после задержки рейса. Да и это было общее решение. Кто знает, каких ждать эксцессов? Хотя мы и работаем с детьми двадцать четыре на семь, все равно знаем о них мало. Как будто сами не были в детстве. Это парадокс. Люди забывают, что были детьми. А что такое быть детьми... ощущать себя бессмертными?

В общем, они обнялись. Без истерики, — а мы всякого повидали! — и даже маленького Германа не забыли. Потом попрощались с персоналом и сели в машину. Меня они не заметили. Есть между всеми детьми какая-то удивительная связь. Понаблюдайте за малышами в песочнице или в больнице, или в поездке. Они легко понимают друг друга, никакого языкового

барьера. Как будто они знают что-то, что уходит с эйдетической памятью, но еще держится лет до десяти, может, двенадцати. Но это все гипотезы, все туманно, да и не в наших научных интересах.

Виктор закрыл за ними дверь, Антон сел за руль, и они тронулись. Я мысленно пожелал удачи. Им предстоял далекий путь. Это были самые обычные дети. Типичные характеры, я бы даже сказал, книжные. Они бы стали заурядными взрослыми. Но вот то, что делало их детьми, — бесценно. Поэтому мы их и выбрали.

Она не понимала, почему он решил заниматься этим. «Все-му же есть причина», — считала она. «Почему больные дети? Что с тобой не так, М.?» (Только она называла его по имени, остальные звали его директор.) Он отрицал, что дело в деньгах, хотя на них они и содержали клинику. Криминальная сторона Большого путешествия тоже не смущала директора. Он полагал себя выше закона. Вероятно, потому что верил, что занимается этим не ради наживы, а ради детей, для которых, как он считал, они делают нечто гораздо большее, чем дают шанс на выздоровление.

— Дети скинут рюкзачки и бросятся в объятия взрослых. Так я это себе и представлял. Антон пустит слезу, а медсестры возьмутся за платочки. Как же, как же: больные дети прощаются — и сразу все расчувствовались! Маленькие манипуляторы. Я в очередной раз убедился: дети могут сделать с тобой что угодно и глазом не моргнут. И еще останутся безнаказанны. У кого поднимется рука на больного ребенка? Короче,

я захлопнул за ними дверь и сел на переднее. На нервах чуть не закурил с фильтра. Еще этот идиот Антон начал плести что-то про реставрацию и погоду, в край выбесил.

“Я говорила, что они еще не готовы, но меня никто не слушал! Везти болеющих детей в такое путешествие — это надо быть живодером! Но нас поставили перед фактом: должны ехать, время не ждет, их будут ждать. Но кто их будет ждать и где? Ни слова! И так всегда. Мы с Константином подготовили для них специальную систему питания, но она постоянно нарушалась тренировками. А за неделю до выезда заболел Герман. Мы так и не выяснили, что с ним. Температура под сорок, рвота. Решили, что рецидив, просто проявляется в атипичной форме. Больным его отпускать было нельзя, он бы просто умер по дороге. Он пролежал в постели четверо суток, мы уже отчаялись, а за три дня до отъезда мгновенно выздоровел. Чудеса какие-то. И никто не стал разбираться! Его просто упаковали и отправили”.

Они бы, может, и хотели что-то исправить, но никто ничего не предпринимал. Мучила неизвестность: приведет ли то или иное действие к улучшению здоровья или навредит. Даже прогулки по лесу и свежие фрукты на полдник — все казалось и ядом и панацеей. Болезнь оставалась непредсказуема и хладнокровна. До сих пор оставалось непроясненным, заразна ли болезнь и опасна ли для взрослых. Главный врач Константин назвал ее «*Неуловимая*». Вирус «прятался за

спинами» других недугов, а когда их расталкивали, он успевал ускользнуть, оставив едва заметные следы. Эти следы и изучала группа местных ученых под руководством Константина.

Только то, что зараженные дети были собраны в одном месте, придавало болезни хоть какую-то зримую форму. Это позволяло изучать принципы, по которым она развивается. Но болезнь путала врачей. Общая симптоматика оставалась размытой. Безнадежный ребенок внезапно выздоравливал, а идущий на поправку умирал во сне. Болезнь заставляла относиться к больным как к здоровым, а здоровым внушала, что они больны. На вид полностью выздоровевшие и изолированные дети вновь заболевали, их приходилось возвращать в клинику.

Отсутствие осязаемого прогресса в исследовании ставило под вопрос целесообразность работы Константина. Слухи о том, что научная лаборатория — это ширма для других, темных дел, уже успели выйти за пределы клиники.

“Я вспомнила еще кое-что. Накануне отъезда ко мне подошла Лиз. Она вроде пыталась и раньше подойти, за день или два, но все не решалась, а мне было некогда, перед отъездом всегда столько забот. Но вот я укладывала аптечки — маленькие детям, большую Виктору, — и она подошла. Села на кушетку, мнется. Спрашиваю: „Что случилось, Лиз?“ — „Не знаю“. Говорю: „Не бойся, ну? Я же вижу, что-то не так“. И только после долгих уговоров она приподняла юбку и раздвинула ноги. Я удивилась. Почему-то ко мне никогда не обращались с этой проблемой. Я почему-то не предполагала,